

Чайковский и музыкальная критика

Отношение к Чайковскому современной ему русской критики — одна из печальных страниц биографии великого русского композитора. Музыкальные рецензенты долгое время отрицали в Чайковском талант оперного композитора, признавая его, и то с оговорками, лишь как симфониста. Например, об опере «Мазепа» петербургские газеты заявляли: «Один текст без музыки произвел бы наверное большее впечатление, чем с музыкой Чайковского». После премьеры «Евгения Онегина» в консерватории (1879 г.) преобладали сдержанные отклики: «Очень милая вещь и только». Некоторые же критики предвещали: «Опера несомненно не доедет и до Петербурга». «Евгений Онегин» не может иметь блестящего внешнего успеха, и не следует стараться искусственно создавать такой успех», — повторяли рецензенты после постановки «Евгения Онегина» в Большом театре.

Очень ярко иллюстрирует отношение критики к композитору замалчивание его успехов в Западной Европе. В 1889 г., во время второй концертной поездки Чайковского за границу, вся зарубежная пресса оценила его концерты, как большое художественное событие, «С Чайковским необходимо считаться в интересах самого искусства, потому что скоро его слава будет неоспоримой», — резюмировал свой хвалебный отзыв Лудвиг Гартман. Однако этот шумный успех композитора за границей почти не был отражен в русской прессе. По этому поводу Чайковский писал своим друзьям: «Весьма сожалю, что в русских газетах про одержанные мною победы ничего не пишут. Но что тут делать? У меня нет друзей в русской прессе, да если бы и было, как то совестно посылать о себе известия»¹. «Обидно на то, что разные Ивановы² и

Соловьевы³ друг об друге пишут рекламы, а об русском артисте, с честью представляющем на чужбине русское искусство, не дают себе труда собирать сведения. Это было бы вовсе не трудно, если бы они хотели, ибо все главные газеты в редакциях получают. Чорт с ними»⁴.

Насколько все же сильно переживал композитор это молчание отечественной критики, можно судить по тому, что он, обычно крайне самолюбивый и щепетильный в вопросах артистической этики, был вынужден обратиться с письмом протеста к А. С. Суворину — редактору «Нового времени». Ниже мы приводим это письмо. Оно публикуется впервые по копии, полученной Клиским музеем из Централхива.

«15 апр. г. Тифлис 1889 г.

Консульская ул. № 14.

Многоуважаемый

Алексей Сергеевич!

Позвольте мне с полнейшей искренностью выразить то, что у меня уже давно на сердце, и вместе с тем просить у Вас заранее извинения, если письмо мое покажется Вам неуместным, неловким и неделикатным.

В течение 3 месяцев я путешествовал по Западной Европе, приглашенный различными филармоническими и симфоническими обществами для дирижирования своими сочинениями в концертах их. Я появлялся на концертных эстрадах в Кельне, Франкфурте, Дрездене, Берлине, Гамбурге, Женеве и Лондоне. В Париже на одном из концертов Châtelet я имел в качестве автора очень крупный успех. Теперь, по возвращении в Россию, мне стало известно, что ни об одном из этих концертов, сопровождавшихся большим или меньшим успехом, в русских газетах ничего не сообщалось. По крайней мере наиболее распространенная из них «Новое время» упорно игнорировала меня. Не знаю, как это объяснить, и готов был бы думать, что в систематическом умалчивании обо мне не кроется никакой враж-

дебности и все это есть лишь случайный недосмотр (хотя существуют специальные музыкальные газеты, получаемые в России, в коих известия о каждом моем концерте имелись), — если б не следующее обстоятельство. В двух номерах «Нового времени» за последнее время были сообщения об огромном успехе пианиста г. Сапельникова⁵ в одном из концертов Лондонского филармонического общества. Почему же, однако, ни в том, ни в другом сообщении не сказано, что в концерте этом дирижировал я, что г. Сапельников играл мое произведение, что успех его разделил и я, что кроме того я исполнил там другое крупное сочинение, заслужившее шумное одобрение лондонской публики.

Если б я не имел основания думать, что известия о моих успехах интересуют значительное число лиц в нашем отечестве, то не решился бы беспокоить Вас, многоуважаемый Алексей Сергеевич. Но ведь дело не в том, что именно я удостоился внимания европейской публики, а в том, что в лице моем было оказано внимание, была чувствуема вся русская музыка, все русское искусство. Если с такой подробностью ежедневно сообщаются сведения об успехах г. Чигорина⁶, то почему же нельзя было хоть вкратце извещать публику о концертном путешествии русского музыканта. Мне кажется, что число людей, интересующихся русской музыкой, не меньше, чем число любителей шахматной игры.

Во время моих странствований в письмах родных и друзей я часто встречал жалобы на отсутствие газетных известий обо мне, — но приписывал такое невнимание ко мне со стороны музыкаль-

ных сотрудников больших газет какой-нибудь случайности. Теперь, пробыв уже несколько времени в России, и особенно после двух сообщений о г. Сапельникове, в коих столь странно умолчание обо мне, я пришел к убеждению, что игнорирование моих заграничных успехов есть результат не знаю чем вызванной враждебности.

Если так, то я еще раз повторяю, что личность моя здесь ровно не при чем. Русская публика должна знать, что русский музыкант, кто бы он ни был, с честью и почетом поддерживал анию отечественного искусства в больших центрах Европы. Очень может быть, что все, что я пишу Вам, покажется Вам мелочным, недостойным Вашего внимания, — в таком случае разорвите мое письмо и забудьте о нем, если же нет, то просьба моя состоит в том, чтобы в «Новом времени» появилось хотя несколько строк о том, что я не посрамил русского имени на чужой стороне.

Я бы желал, чтобы о настоящем обращении моем к Вам никому, кроме разве Вашего музыкального сотрудника, не было известно. Низачто бы в мире не написал я этого письма, если б не был поддерживаем воспоминанием о том, как сердечно и сочувственно Вы отнеслись ко мне несколько лет тому назад и как я был тогда тронут вниманием Вашим.

Примите, многоуважаемый Алексей Сергеевич, уверение в искреннем моем уважении.

П. Чайковский.

Вот в каких условиях протекала деятельность великого композитора. Чтобы получить слово одобрения, «русскому музыканту, который с честью и почетом поддерживал анию отечественного искусства», приходилось обращаться с вежливым, учтивым, а в сущности униженным письмом к Суворину, редактору реакционного «Нового времени», которое так позорно игнорировало крупнейшее явление русской музыкальной культуры.

В. ЖДАНОВ

¹ Из письма к А. К. Глазунову, 15 февраля 1889 г.

² М. М. Иванов — музыкальный критик «Нового времени», композитор.

³ Н. Ф. Соловьев — музыкальный критик, композитор.

⁴ Из письма к П. И. Юргенсону, 21 марта 1889 г.

⁵ Василий Львович Сапельников — пианист, приятель Чайковского.

⁶ Михаил Иванович Чигорин — выдающийся шахматист. В 1889 г. был победителем на турнире в Америке.